

В. А. Томсинов

Россия и русская нация в творчестве И.А. Ильина

*Выступление на международной научной конференции
«Национальный вопрос в творческом наследии Ивана Ильина.
Смысл и цель общенациональной и этнокультурной политики»,
посвященной 60-летию со дня смерти русского мыслителя.*

22 декабря 2014 года.

Большой зал коллегии Министерства культуры РФ

Опубликовано:

Творческое наследие И.А. Ильина:
вопросы общенациональной политики и культуры.

М.: Институт наследия, 2015. С. 47–59.

Томсинов В. А.

Россия и русская нация в творчестве И. А. Ильина

Научную конференцию по теме «Национальный вопрос в творческом наследии Ивана Ильина» следовало бы провести не только по случаю 60-летия со дня смерти выдающегося русского мыслителя Ивана Александровича Ильина, но и в связи с событиями, происходящими в современной Украине. Подоплека этих событий, названных в СМИ «украинским кризисом», еще остается во многом неясной, но общая их суть очевидна: *украинская часть Русской цивилизации превратилась в общность, спаянную ненавистью ко всему русскому, стала силой в высшей степени враждебной по отношению к русской нации.* С точки зрения интересов Русской цивилизации это явление невозможно оценить иначе как *самую большую для нее катастрофу после распада СССР.*

История России – это история государства, которое постоянно решало вопрос не о том, каким ему быть, а о том – *быть ему или не быть.* Русское государство на всем протяжении своего исторического развития являлось государством оборонительным, оно вынуждено было проявлять особую заботу о своей защите от внешних нападений. Многочисленные войны, которые вынуждена была вести Россия, приучили русских людей к мысли о том, что главная опасность для русской нации исходит от вражеских армий и военного оружия. Соответственно защиту от

агрессоров в России привыкли видеть в разработке и производстве совершенных систем вооружения: военных самолетов и кораблей, ракет и снарядов, танков и пушек. Однако войны бывают разные, и самые опасные из них ведутся не военным оружием, а духовным – поражающим людские души, и не на полях сражений, а в сфере культуры, образования, мировоззрения. «Украинский кризис» показывает, какой мощной губительной силой обладает оружие, воздействующее на души людей. Он свидетельствует, что *деформация общественного сознания, разрушение национальной культуры и государственной идеологии являются для общества, нации и государства губительнее самого тяжкого военного поражения.*

Мысли И. А. Ильина о роли культурного фактора, духовного начала в истории России, в формировании и развитии русской нации дают ключ к раскрытию глубинных причин таких катастроф, позволяют разобраться в технологии их развертывания и соответственно выработать механизмы, пути и способы их предотвращения или, по крайней мере, преодоления проистекающих от них вредных последствий.

Тема России и русской нации являлась программной для И. А. Ильина. Она определяла направленность, содержание и стиль его творчества. В 1950 году в письме к Н. В. Борзову он признавался: *«И все, что я уже написал и еще пишу, и еще напишу, — все посвящено возрождению России, ее обновлению и ее расцвету».* Смысл русской истории, ее щедрость на тяжелейшие испытания для русского народа, ее способность периодически ставить русскую нацию на край гибели и давать возможность для ее возрождения в новом качестве, причины и последствия

русской революционной катастрофы 1917 года — все это составляло постоянный предмет его размышлений.

При этом Россия и русская нация воспринимались Ильиным не только в качестве объектов научного исследования. Иван Александрович обладал высокоразвитыми аналитическими способностями и при всей страстности своей натуры мог мыслить предельно хладнокровно и рационально. Но его взгляд на Россию и русскую нацию не был хладнокровным, бесстрастным взглядом ученого-аналитика.

В июле 1944 года в переписке с издателем швейцарской газеты «Presscorrespondenz» Самуэлем Гаасом русский мыслитель признался: *«Россия — это моя Родина, которую я люблю безмерно, из-за которой вся моя личная жизнь поломалась, ради которой я пожертвовал профессией ученого... Такую любовь может вызвать к жизни и заслужить только духовно великий народ»*.

На самом деле слово «любить» не выражало действительного отношения Ильина к России. Он не мыслил ее в отрыве от себя. Поэтому все беды и победы России воспринимались им как собственные беды и победы. И трагическая ее судьба ощущалась им как собственная жизненная драма. За год с небольшим до своей смерти, подводя итог прожитым годам, Ильин написал о себе: *«Жизнь проведена в неустанных нервных напряжениях, вызывавшихся актом исследовательским. Его состав: художественное отождествление с предметом (что часто бывает мучительно изнурительно)*.

Такое отношение Ильина к России и русской нации делало его совершенно свободным в суждениях о них. Русский человек, утверждал Ильин, должен иметь право на

правду, право говорить и слышать правду. И он старался следовать этому правилу, когда рассуждал о России и русской нации.

В феврале 1918 года профессор Ильин выступил в публичном собрании Общества младших преподавателей Московского университета с большой речью на тему патриотизма. В ней Иван Александрович предпринял попытку выявить главные причины революционной катастрофы 1917 года, приведшей к распаду Русского государства. Одновременно он выразил собственное душевное состояние, которое переживал в те чрезвычайно горестные для русского человека времена.

«В наши дни душа живет скорбью и гнетом, — начал он свое выступление. — Мы все ходим подавленные, в непрестанной борьбе с чувством *стыда* и *беспомощной растерянности*. Душою овладевает странное и невыносимое чувство, *что нас нет*; то, что мы считали *собой*, *рассыпалось*; распалось; и не стало единого, великого народа; нет его *воли*; умолк его *разум*; извратилось его *чувство*; разложилась его жизнь. Где то, что называлось сотни лет *«русским государством»*? Есть ли в его гражданах *сознание* своего единства? Есть ли *воля* к единению? Где единая, верховная *власть*? Есть ли определенная *территория*? Где основные и неосновные *законы*? Где *армия*? Где *суд*? Где *права и обязанности граждан*? А если нет этого всего, то можно ли говорить о русском государстве? — когда все, все, все в разложении, в прахе, в позоре. Наша Россия стала тучею песка или пыли, которую гонит куда-то ураган истории».

Набросав несколькими мазками печальную картину крушения Русской государственности, Ильин за-

дался вопросом: «Что же рассыпало нас? Чем вызвано это разложение и распыление?» Напрашивавшийся в данном случае ответ «Войною и революцией» он назвал общим. Потому что такой ответ вызывал новый вопрос: почему же война породила революцию? И почему революция, целью которой было, по замыслу революционеров, «сорганизовать Россию и спасти ее от поражения», разложила страну и обеспечила ее поражение так, как не могли осуществить это никакие ошибки старой власти?

Причины русской катастрофы, говорил при ответе на эти вопросы Ильин, нельзя сводить к «хозяйственной и технической отсталости» России. Иначе останется неясным, почему страна разложилась именно тогда, когда влияние этого фактора на ход войны было почти преодолено? Очевидно, что здесь проявились более глубокие дефекты — дефекты не материальные, а духовные. «Беспомощная и ленивая мысль, — продолжал Иван Александрович, — охотно останавливается на чьей-нибудь личной вине или на партийных ошибках. Конечно, было много личных промахов и неспособностей; еще больше было партийных ошибок и преступлений. Но их мало осуждать. Их необходимо опознать и вскрыть. Свести к *общим закономерным увечьям русского духа*. Эти увечья характеризуют русскую душу во всех слоях народа; они характерны не только для простых масс, но и для всей партийной “революционной демократии”. Они более или менее присущи *каждому* русскому человеку, и только единицы, исключения, свободны от них всецело».

После этих слов Ильин вкратце охарактеризовал сущность четырех увечий русского духа, от преодоления которых зависело, по его мнению, будущее России.

Первым недугом им было названо «отсутствие сколько-нибудь сильного и зрелого правосознания». «Русские люди, — утверждал он, — не знают права; они не понимают, что оно имеет объективное содержание; не видят его объективного значения; не признают его, не уважают, не вменяют себе в обязанность его добровольное соблюдение; они не мотивируют правом свои поступки, блюдут его только из страха или корысти; не умеют ни жить им, ни творить его, ни бороться за него».

Вторым русским недугом, проявившимся в революционных событиях 1917 года, Ильин объявил в своей речи «непонимание сущности государства и неумение его строить». По его словам, русские люди не умели отличить «государства от государственной власти, а власть от лица, ею облеченного; они привыкли жить в своем государстве, как больные, призреваемые в больнице»; они не понимали, что «государство русское — это они сами, так что оно существует именно в них, через них, в виде их»; они не чувствовали себя «включенными в свое государство» и совершенно не сливали себя с ним; у них не было «ни сознания своего государственного единства, ни воли к его поддержанию, ни способности к его сохранению»; они умели бояться своей государственной власти, когда она была сильной, но не умели ее уважать и укреплять ее, когда она была слабой; они умели «критиковать ее, бранить, подозревать ее, не доверять ей, и, если надо, то подкупать ее взяткою»; но не умели «ни доверять ей, сколь бы честна и безукоризненна она ни была, ни поддерживать ее повиновением».

Третьим русским недугом Ильин назвал «непонимание сущности демократии и извращенное отношение к народу». «Русские люди, — говорил он, — понимают

демократию как систему угождения темной массе; как систему управления, основанную на лести и потакании; как систему уговаривающего безвластия; как словесный турнир партий, подкупающих темную массу неосуществимыми и противогосударственными посулами. Вот почему демократия превратилась у нас в систему подкупа, где революционная демократия подкупала народ посулами и масса валила за тем, кто больше наобещает или даст; и русская революционная интеллигенция превратила демократию в позорную распродажу с молотка русской государственной власти».

Четвертым русским недугом и самым главным Ильин признал *«недостаток истинного патриотизма»*. Раскрытию сущности патриотизма, обоснованию того, что именно *«любовь к отечеству лежит в основе и могучего правосознания, и здоровой государственности, и нормальной демократии»*, он посвятил бóльшую часть своей речи. *«Родина, — говорил он, — есть духовное единство моего народа. Она остается — несмотря на гибель субъектов и поколений. Она — единое для многих: для каждого “моя” — для всех “наша”, и все права — общая для всех»*. Любить родину значит любить ее дух — не просто душу народа, его национальный характер, но *«духовность его национального характера и национальный характер его духа»*.

Спустя десятилетие после крушения Российской империи в результате революционных событий 1917 года убеждение И. А. Ильина в том, что причины этой государственной катастрофы необходимо искать в духовной жизни русской нации только укрепилось. В статье «Наша государственная задача», опубликованной в 1927 году в первом номере журнала «Русский колокол», Иван Алек-

сандрович, задавшись вопросами: «Как могло это случиться? Почему не удалось это предотвратить и пресечь? Где причины этого невиданного в истории крушения? И что нам, верным сынам России, делать для того, чтобы впредь это стало абсолютно невозможным?», дал на них следующий предельно откровенный ответ: «Не в материальных основах жизни, не в хозяйстве и не в технике надо искать последних причин нашего крушения, а в духовных основах: ибо — когда дух на высоте, то он овладевает материальными условиями и задачами; тогда он подчиняет их себе, строит, создает и совершенствует. Материальное важно и существенно; но оно есть лишь *продукт* духа и *средство* духа; и только сильный — укорененный, воспитанный и организованный дух может поставить материю на высоту. Наше крушение есть, прежде всего, духовное крушение: развалилась наша духовная храмина и воссоздавать нам надо прежде всего ее. И поскольку мы говорим именно о крушении русского государства, постольку мы должны начать с развалившегося русского *правосознания*».

Мысль о том, что глубинные причины крушения российской государственности в 1917 году необходимо искать в недугах русского национального духа И. А. Ильин выразил в концентрированном виде и в статье **«О страданиях и унижениях русского народа»**, написанной в августе 1949 году для еженедельного листка «**Наши задачи**», выпускавшегося эмигрантской организации **«Русский Общевоинский Союз»**. Отвечая на мучительный для каждого русского человека, любящего свой народ и гордящегося своей культурой **вопрос**: «Почему именно России суждена такая ужасная судьба? Почему именно русскому народу надо переносить такие мучения и

унижения? Почему именно России пришлось стать гигантской камерой пыток, всемирным позорищем и рассадником заразы», Иван Александрович счел необходимым сначала заметить, что причины русской трагедии «сложны и глубоки: все то, что задерживало политическое и культурное развитие России — климат, почва с ее «мерзлотою», открытая незащищенная равнина, обилие пространств, континентальная замедленность жизни, оторванность от морей, обилие малых и чужеродных племен, особенность языка и быта, положение страны между Востоком и Западом, вечный нажим презрительно-завистливой Европы и вторжения хищно-погромной Азии, бесконечное татарское иго, нескончаемые оборонительные войны, всяческое “воровство”, “кривизна” и “неправда” самих русских людей всех сословий (о ней давно уже зывал Хомяков, обличительно и покаянно!), все государственные ошибки, упущения, вся политическая близорукость былой русской власти и многое другое... все это создало известную образовательно-политическую и хозяйственно-техническую отсталость России и русской народной массы; все это затруднило нам нашу национальную борьбу с внешними врагами двадцатого века и с Третьим Интернационалом; все это должно быть впоследствии вскрыто в составе исторических причин крушения Императорской России».

После этих слов Ильин заявил: «Но при всем том надо признать следующее.

Болезнь, ныне изводящая Россию, а именно: воинствующее безбожие; антихристианство; материализм, отрицающий совесть и честь; террористический социализм; тоталитарный коммунизм; вселенское властолюбие, разрешающее себе все средства, — весь этот единый и ужас-

ный недуг имеет не русское, а западноевропейское происхождение. В течение девятнадцатого века русская интеллигенция соблазнялась им, как «последним словом передовой культуры», мечтательно, сентиментально и безвольно заражаясь им. В двадцатом веке — многонародно-международная, полурусская, полуинтеллигенция, зараженная им до мозга костей, тупая, волевая и жестокая, — пошла в грозный час мировой войны на штурм, захватила власть в России и превратила нашу страну в опытный рассадник этой духовной чумы. Это-то чума и принесла нам все наши национальные мучения и унижения, с тем, чтобы впоследствии (ныне!) наградить ими и соседние народы Запада и Востока, считавшие себя “неугрожаемыми”...

Но почему же нам не удалось оборониться от этого засилия? Потому что русская национальная интеллигенция не понимала своего народа, не разумела его монархического правосознания, не умела верно вести его и отвернулась от своих Государей. И еще: по невежеству, ребячливой доверчивости и имущественной жадности народной массы. И еще: по недостатку волевого элемента в русском Православии последних двух веков. И, главное, — по незрелости русского национального характера и русского национального правосознания».

Приведенные суждения выдающего русского мыслителя не просто формулируют диагноз болезни, ослабляющей Россию, таящей угрозу самому ее существованию как особой цивилизации, но и содержат рецепты для ее лечения. Очевидно, что русским людям необходимо, прежде всего, осознать в полной мере, что собой представляют Россия и русская нация.

И. А. Ильин смотрел на Россию не только как на страну или государство. Он видел в ней живой организм, воплощающийся в определенных материальных формах и отличающийся особой, лишь ему присущей, духовной субстанцией. Открывая в 1927 году издание журнала «Русский колокол», Ильин писал во вступительной статье к его первому номеру: «Россия» есть имя великой национальной культуры и великой государственной организации; это есть имя того духовного лона, созданного русским народом, в которое сто сорок различных племен сделали свой бытовой, а иногда и духовный вклад, и в котором они нашли свою родину». «Россия есть организм природы и духа», — заявлял Иван Александрович в 1950 году в статье «Россия есть живой организм». При этом он считал такой взгляд на Россию предельно реалистическим.

В статье, написанной в 1952 году и озаглавленной призывом «Надо готовить грядущую Россию», Ильин утверждал: «Мы должны пересмотреть политические “идеалы” предреволюционной интеллигенции и отвергнуть все несостоятельное. Мы должны отвергнуть самый способ постановки политических вопросов — *мечтательно-доктринерский, рассудочно-формальный, интернациональный, искательско-демагогический*. Перед нами не “идеал”, не “мечта” и не “доктрина”, а жизненная задача воссоздания России. И Россию мы должны понимать, как живое, органически историческое, единственное в своем роде, русско-наследственное государство, с его особою верою, с особыми традициями и нуждами».

Соответственно и русская нация представлялись Ильиным в качестве общности не по крови, а *по духу, по культуре*. Задумывая выпуск с 1927 года журнала «Рус-

ский колокол», Иван Александрович постарался представить общее направление, главную идеологическую линию этого печатного издания в виде краткого «программного досье», раскрывающего методологию освещения в нем наиболее значимых вопросов в жизни русского общества. Основной задачей журнала при обращении к национальному вопросу он считал необходимость «утвердить и показать: 1) что Россия создана русским племенем, вопреки кочевым племенам Востока и вопреки оседлым племенам Запада; русским племенем с его политически могучим инстинктом, с его изумительной выносливостью и чрезвычайною духовною одаренностью; 2) что русское племя имеет культурное и духовное право на водительство в России; 3) что оно *обязано и призвано* блюсти и строить святыню русского духа; 4) что племенная политика в России была доселе (за исключением отдельных ошибок и бестактностей) человечна, культурна и зиждительна; 5) что и впредь младшие племена России, остающиеся в ее пределах, должны иметь духовно-культурную автономию и единый общий с нами государственный язык, нести государственно-патриотическое служение и пребывать под политическим суверенитетом двуглавого орла. Россия для русских. Русским является всякий, кто интерес единой русской Родины ставит выше индивидуализма и всякой коллективной части. Формула: “я русский и притом грузин, армянин” и т. д. Иноплеменник и неправославный могут быть русскими, но враг русского племени, Православия и русского языка фактически остается враждебным иностранцем».

Понимание русской нации как общности людей по культуре, по общей исторической судьбе, по привержен-

ности к России как к высшей ценности, в полной мере отражало и отражает действительный характер национального устройства Российского государства. И Российская империя, и Советский Союз, и современная Российская Федерация часто представляются в качестве многонационального государственного организма. Этот взгляд нашел отражение и в первом пункте третьей статьи Конституции Российской Федерации 1993 года, в котором декларируется, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее *многонациональный народ*» (курсив мой. — В. Т.). На самом деле Россия всегда являлась и до сих пор является государством *полиэтническим*, но при этом не многонациональным, а *мононациональным*. Она есть государство русской нации, объединяющей в своем культурном, духовном поле многие этносы, населяющие нашу страну. Именно *русская* нация, а не выдуманная, мифическая *российская* нация воплощает собой то национальное единство, которое составляет опору современного российского государства.